

было в живых. Вывод Ф. Малингудиса, подкрепленный десятком примеров из разных частей «Истории» Никиты и иных византийских авторов, состоит в том, что описание разного рода небесных и других чудесных явлений у средневековых писателей обычно сопровождается рассказ о каких-либо важных событиях или предшествует такому рассказу. Явления эти толкуются как «знамения», и повествование о них выступает в роли выразительного литературного приема. Иными словами, свидетельство Никиты Хониата о затмении независимо от того, перенес ли он сентябрьское затмение 1186 г. на весну этого года или вообще измыслил «новое» затмение, не имеет значения сообщения о реальном историческом факте. Следовательно, и опираться на это сообщение при установлении хронологии событий по меньшей мере опрометчиво.

В-третьих, в надгробной речи Евфимия Торника на смерть логофета Дмитрия Торника, датируемой 1185/86 г., говорится о том, что во втором своем походе император разгромил «варваров», спустившихся с кручи Гема. И. Дуйчев опирался и на это известие, относя второй поход к осени 1186 г. Но это свидетельство, по мнению Малингудиса, подкрепляет, напротив, обосновываемую им хронологию, а не ту, которую отстаивает И. Дуйчев. Греческий исследователь указывает на то обстоятельство, что датировка речи Евфимия опирается на примерно установленную дату письма Михаила Хониата (1185—1186 гг.) Дмитрию Торнику. Но И. Дуйчев не заметил, что в письме Михаила Дмитрий обозначен как «ἐπί τοῦ κατικλείου», тогда как в речи Евфимия указывается на его должность «логофета». Следовательно, заключает Малингудис, речь Евфимия и описанные в ней события нужно относить к следующему, 1187 г., когда Дмитрий, вероятно, и стал логофетом.

Считаю высказанные Малингудисом соображения вполне резонными: речь Евфимия, может быть, следует относить к 1187 г., как и упомянутый в ней второй поход Исаака II. Однако и аргументация автора в данном случае не бесспорна. Письмо Михаила Хониата датируется 1185—1186 гг., т. е. весьма приблизительно, и бывший «ἐπί τοῦ κατικλείου» Дмитрий мог успеть в течение лета-осени 1186 г. и стать логофетом и умереть. Я не хочу тем самым поставить под сомнение датировку Малингудиса — мне хотелось лишь указать на излишнюю уверенность автора там, где источники допускают иное толкование.

Восьмая глава монографии — «Восстание Асенидов в зеркале болгарской и румынской историографии» (с. 123—129) — представляется мне инородной в несомненно серьезном, хотя и спорном исследовании Ф. Малингудиса. Ни по материалу, привлеченному к критическому рассмотрению в данной главе, ни по методу этого рассмотрения я не считаю ее репрезентативной и поэтому воздерживаюсь от ее комментирования.

Заключение к работе (с. 131—134), помимо концентрированного повторения уже изложенных выше выводов, содержит некоторые идеи, которые заслуживают особого разговора. В полемическом плане Малингудис высказывает здесь тезис о том, что восстание болгар и влахов в 1186 г. против византийского господства не может быть расценено как некая «закономерность» (*Gesetzmässigkeit*) (с. 131). Во время почти двухсотлетнего господства империи на болгарских землях, пишет автор, было много локальных восстаний, не приведших к победе, и «болгарские земли оставались воссоединенными с имперским сообществом» (или «союзом» — *Reichsverband* — с. 56 и 131). Основные причины успеха восстания Петра и Асеня автор усматривает не в торжестве некоей закономерности, а в случайном совпадении трех факторов: критическое положение империи, вмешательство половцев и целенаправленное руководство Асенидов. Их восстание, как и предыдущие, носили по преимуществу антиналоговый характер (т. е. вызывались экономическими причинами) и поэтому, говорит Малингудис, не могут рассматриваться как «антифеодалные». Настаивая на этом автор замечает, что он не боится обвинения в «буржуаз-